

Константин Михайлович Станюкович

Рождественская ночь

Волшебная тропическая ночь, вслед за закатом солнца, почти внезапно опустилась над Батавией и, благодаря ветерку, дувшему с моря, дышала нежной прохладой, казавшейся таким счастьем после палящего зноя дня. Мириады звезд зажглись на небе, и луна, круглая и полная, лила свой серебристый свет с высоты бархатисто-темного купола и, медленно плывя, казалась задумчивой и томной.

В эту чудную ночь, накануне Рождества Христова, белый катер с клипера "Забияка", стоявшего верст за шесть, за семь на рейде, - дожидался у одной из пристаней нижней части города господ офицеров, бывших на берегу.

Эта нижняя, "деловая" часть города с конторами, пакгаузами, лавками, складами и тесно скученными домами, исключительно населенная туземцами - малайцами и метисами, да пришлыми китайцами, ютилась почти у самого моря, кишачего акулами и кайманами, в нездоровой, сырой и болотистой местности. Настоящие хозяева острова Явы, голландцы, жили наверху, на горе, в европейской Батавии, роскошном, чистом городке изящных домов, вилл и гостиниц, тонувшем в густой зелени садов и парков, в которых высились гигантские пальмы. Оттуда с ранней зари деловые люди спускались в малайский квартал и в десять часов утра уже возвращались домой в свои прохладные дома. Адская жара заставляла прекращать занятия, возобновлявшиеся снова за несколько часов до заката и оканчивающиеся часом в десять вечера.

Оживленная и шумная днем жизнь в малайском квартале затихла. Огоньки в маленьких домах потухли, и узкие и грязные, прорезанные смертоносными каналами, улицы нижнего города опустели. Даже не видно было шныряющих у пристаней ночных темнокожих фей-малаек, чтобы смущать матросов всевозможных национальностей, давно не бывших на берегу, и своим более чем откровенным нарядом, и выразительными пантомимами, и острым, неприятным запахом кокосового масла, которым малайки расточительно пользуются, смазывая им и волосы, и руки, и шею. Пусто везде. Изредка лишь мелькнет громадный бумажный фонарь запоздалого разносчика всяких товаров, китайца - этого еврея почти всего востока, возвращающегося из верхнего города, от варваров, к себе домой на отдых.

Где-то вблизи на рейде, на каком-то судне пробило шесть слянок - одиннадцать часов. Туземец спит. У пристани и далеко кругом стоит мертвая тишина с однообразным шепотом морского прибоя, который нежно лижет береговой вязкий песок. Только по временам эта торжественная, полная какой-то таинственности, тишина тропической ночи нарушается вдруг шумными всплесками, когда крокодил, после дневного крепкого сна на отмелях под отвесными лучами солнца, забавляется в воде, ловя добычу.

И снова тишина.

Русские матросы с "Забияки", катерные гребцы, в ожидании господ, находились все на катере. Лунный свет падал на их белые рубахи и захватывал некоторые лица. Несколько человек, растянувшись под банками, сладко спали. Один чернявый молодой матросик задумчиво и как-то вопросительно поглядывал то на мерцающие звезды, то на сверкающую серебром полосу моря и видимо думал какую-то думу, судя по его напряженно-строгому лицу. По временам, когда раздавались всплески, он вздрагивал и пугливо озирался на товарищей. А человек шесть или семь собрались около кормы и, рассевшись по бортам на сиденьях, вели беседу как-то особенно тихо, почти шепотом, словно бы боясь нарушить тишину этой волшебной ночи и точно

несколько пугаясь ее жуткой таинственности. Дымок нескольких курящихся трубочек с острым запахом махорки приятно щекотал обоняние беседующих гребцов.

Кроме русского катера, у пристани не было ни одной шлюпки.

Матросы вспоминали о России, о празднике на родине, высказывали желание поскорей вернуться домой, особенно те, которые по возвращении рассчитывали на отставку или, по крайней мере, на бессрочный отпуск. Вот уж третье Рождество они встречают в "чужих" и "жарких" местах... Опротивело... Скорей бы вернуться!

И несмотря на жизнь, хотя полную опасностей, но все-таки относительно сносную (на клипере и командир, и офицеры были люди порядочные и матросов не теснили) и сытую, каждого из матросов тянуло туда, на север, на далекую родину с ее бедами и нуждой, с покосившимися избами, соснами и елями, снегом и морозами.

После этих воспоминаний все как-то притихли. Несколько минут длилось молчание.

- Гляди... Звезда упала... Еще... И куда она падает, братцы? - тихо спросил чернявый матрос.

- В окиян, известно. Опрочь окияна ей некуда упасть! - отвечал пожилой здоровый матрос уверенным тоном.

- А ежели на землю? - спросил кто-то.

- Нельзя, потому все как есть расшибет. По самой этой причине Бог и валит звезду в море... Туда, мол, тебе место...

Чернявый матросик, видимо неудовлетворенный этим объяснением, снова стал глядеть на небо.

И необыкновенно приятный грудной голос загребного Ефремова заговорил:

- Это Бог виноватую звезду наказывает... Потому звезды тоже бунтуют... И особенно много, братцы, падает их в эту ночь...

- По какой такой причине, братец? - задорно спросил пожилой, плотный матрос.

- А по такой причине, милый человек, что в эту ночь не бунтуй, а веди себя смирно, потому как в эту самую ночь Спаситель родился... Великая эта ночь... Нашему рассудку и не понять... И как ежели подумаешь, что родился Он в бедности, пострадал за бездельных людей и принял смерть на кресте, так наши-то все горя ничего не стоят... Ни одной полушки!.. Да, братцы, великая эта ночь. И кто в эту ночь обидит младенца, - тому великое будет наказание... Так старик один божественный мне сказывал, странник. В книгах, говорит, все показано...

- Ишь ты, подлый!.. Так и мутит воду! - проговорил кто-то, когда послышался вблизи всплеск воды...

- Нешто крокодил?

- Кому другому... Гляди - башка его над водой...

Все глаза устремились на одну точку. На освещенной светом луны полосе воды видна была отвратительная черная голова каймана, тихо плывшего неподалеку от шлюпки к берегу.

- Погани-то всякой в этих местах!.. И крокодил, и акула проклятая... Сказывают, на берегу, в лесах и тигра... Однако загуляли что-то наши офицеры на берегу, братцы... Скоро и полночь... А ты, Живков, что все на небо глаза пялишь? Ай любопытно? Не про нас, брат, писано! - проговорил, обращаясь к чернявому матросику, пожилой, плотный матрос.

В эту минуту с берега вдруг донесся чей-то жалобный крик.

Матросы притихли. Кто-то сказал:

- А ведь это дите плачет...

- Дите и есть... По близности где-то... Ишь, горемычный, заливадается... Заплутал, что ли...

- Кто-нибудь при ем должен быть...

Жалобный, беспомощный плач не прекращался.

- Сходил бы кто посмотреть, что ли? - заметил плотный, пожилой матрос, не двигаясь, однако, сам с места.

- Куда ходить? Офицеры могут вернуться, а гребца нет! - строго проговорил унтер-офицер, старшина на катере.

- И то правда! - сказал плотный матрос.

- Что ж, так и бросить без призора младенца в эту ночь? - раздался приятный тенорок загребного Ефремова. - А ежели он один да без помощи?.. Это, Егорыч, не того... неправильно...

- Я мигом вернусь, Андрей Егорыч, только взгляну, в чем причина! - взволнованно проговорил чернявый матросик. - Дозвольте...

- Ну, ступай... Только смотри, Живков, не заблудись...

- И я с ним, Егорыч! - вымолвил Ефремов.

И оба матроса, выскочив из катера, бегом побежали по пустынному берегу на плач ребенка...

И очень скоро, почти у самого моря, они увидели крошечного черномазого мальчика в одной рубашонке, завязшего в мокром рыхлом песке.

Около не было ни души.

Матросы удивленно переглянулись.

- Эка идолы!.. Эка бесчувственные!.. Бросили ребенка... Это, брат Живков, неспроста... Погубить хотели младенца... Тут бы его крокодил и сожрал!.. Гляди... Ишь плывет... Почуял, видно...

И Ефремов взял на руки ребенка.

- А что же мы с ним будем делать?

- Что делать?.. Возьмем на катер... Там видно будет!.. Ну ты, малыш, не реви! - ласково говорил Ефремов, прижимая ребенка к своей груди. - Это сам Господь тебя вызволил...

Велико было изумление на катере, когда минут через десять вернулись оба матроса с плачущим ребенком на руках и рассказали, как его нашли.

Унтер-офицер не знал, как ему и быть.

- Зачем вы его принесли? - строго спрашивал он, хотя сам в душе и понимал, что нельзя же было оставить ребенка.

- То-то принесли! И ты бы принес! - мягко и весело отвечал Ефремов. - Ребята, нет ли у кого хлеба?.. Он, може, голоден?..

Все матросы смотрели с жалостью на мальчика лет пяти. У кого-то в кармане нашелся кусок хлеба, и Ефремов сунул его малайчонку в рот. Тот жадно стал есть.

- Голоден и есть... Ишь ведь злодеи бывают люди!..

- А все-таки, ребята, нас за этого мальчонка не похвалят! Ишь пассажир объявился какой! - снова заметил унтер-офицер.

- Там видно будет, - спокойно и уверенно отвечал Ефремов. - Может, и похвалят!

Ребенок скоро заснул на руках у Ефремова. Он прикрыл его чехлом от парусов. И его некрасивое, белобрысое, далеко не молодое лицо светилось необыкновенной нежностью.

Скоро приехали с берега в двух колясках офицеры. Веселые и слегка подвыпившие, они уселись на катер.

- Отваливай!

- Ваше благородие, - проговорил старшина, обращаясь к старшему из находившихся на катере офицеров, - осмелюсь доложить, что на катер взят с берега пассажир...

- Какой пассажир?

- Малайский, значит, мальчонка... Так как прикажете, ваше благородие?..

- Какой мальчонка? Где он?

- А вот спит под банкой у Ефремова, ваше благородие...

И унтер-офицер объяснил, как нашли мальчонку.

- Ну что ж?.. Пусть едет с нами... Фок и грот поднять! - скомандовал лейтенант.

Паруса были поставлены, и шлюпка ходко пошла в полветра на клипер.

Ефремов уложил найденыша в свою койку и почти не спал до утра, поминутно подходя к нему и заглядывая, хорошо ли он спит.

Наутро доложили о происшествии капитану, и он разрешил оставить мальчика на клипере, пока клипер простоит в Батавии. В то же время он дал знать о ребенке губернатору, и маленького малайца обещали поместить в приют.

Неделю прожил маленький найденыш на клипере, и Ефремов пестовал его с нежностью матери. Мальчику сшили целый костюм и обули. И когда накануне ухода полицейский чиновник приехал за мальчиком, матросы через боцмана просили старшего офицера испросить у капитана разрешение оставить найденыша на клипере.

И Ефремов, успевший за это время привязаться к мальчику, ждал капитанского ответа с тревожным нетерпением.

Капитан не согласился.

Долго потом Ефремов вспоминал рождественскую ночь и этого чуть было не погибшего мальчика, успевшего найти уголок в его сердце.